

УДК 340.141

DOI 10.25587/SVFU.2022.12.54.002

Т. Н. Оглезнева

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

e-mail: tati.oglezneva@mail.ru

Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Императорского русского географического общества и его отделов по изучению общественного устройства и юридического быта коренных малочисленных народов Северо-Востока Азии. Охарактеризованы демократические программные установки исследования обычного права народов России во второй половине XIX – начале XX вв., их значение и актуальность для реалий современной жизни. Для русской общественной мысли во второй половине XIX в. было характерно уважительное и бережное отношение к образу мысли и быту народов России. Статья знакомит с некоторыми наиболее крупными работами, ценными выводами исследователей – деятелей ИРГО и его отделов по обычному праву. Оценен их вклад в сохранение уникальных артефактов юридического быта коренных малочисленных народов Севера, которые в силу уникальности жизнедеятельности и сейчас более всего сохраняют устои обычного права. В статье констатируется, что богатый фактический материал, собранный в ходе экспедиций и наблюдений ИРГО и его отделов, позволил сделать правильные выводы о взаимодействии обычного права и элементов русского государственного устройства и о необходимости сохранения элементов обычного права для повседневной жизни населения, ибо они олицетворяют собой мировоззрение народов, их мироощущение.

Ключевые слова: обычное право, коренные малочисленные народы Севера, Северо-Восток Азии, Императорское русское географическое общество, Отделение этнографии ИРГО, общественное устройство, юридический быт, народные юридические обычаи, экспедиции ИРГО и его отделов, этнографические исследования.

Для цитирования: Оглезнева Т. Н. Юридический быт народов Северо-Востока Азии в исследованиях ИРГО // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 3 (29). С. 22–34.

T. N. Oglezneva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: tati.oglezneva@mail.ru

**Dudicial practices of life of the peoples of the North-East of Asia
in the studies of the IRGS**

Abstract. The article considers the activities of the Imperial Russian Geographical Society and its departments for the study of the social structure and legal life of the indigenous peoples of the North-East of Asia. The article characterizes the democratic programmatic goals for the study of the customary law of the peoples of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries, their significance and relevance for the realities of modern life. Russian social thought in the second half of the 19th century was characterized by a respectful and careful attitude to the way of thinking and life of the peoples of Russia. The article introduces some of the largest works, valuable conclusions of researchers – leaders of the IRGS and its departments on customary law. Their contribution to the preservation of unique artifacts of the legal life of the indigenous peoples of the North, which, due to the uniqueness of their life activity, still preserve the foundations of customary law, is assessed. The article states that the rich factual material collected during the expeditions and observations of the IRGS and its departments made it possible to draw correct conclusions about the interaction of customary law and elements of the Russian state system and the need to preserve elements of customary law for the everyday life of the population, because they personify the worldview peoples, their worldview.

Keywords: customary law, indigenous peoples of the North, Northeast Asia, Imperial Russian Geographical Society, Department of Ethnography of the IRGS, social structure, legal life, folk legal customs, expeditions of the IRGS and its departments, ethnographic research.

For citation: Oglezneva T. N. Dudicial practices of life of the peoples of the North-East of Asia in the studies of the IRGS // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 3 (29). P. 22–34. (In Russ.)

Введение

Изучение юридической стороны народного быта входило частью в круг задач этнографических исследований Императорского русского географического общества (далее – ИРГО) с самого начала его основания

в 1845 г. В 70-х гг. XIX в. на фоне реформ российского общества оформилась мысль о выделении народного юридического быта, обычного права как предмета специальной деятельности Общества. В литературе также оценен по достоинству «особый вклад в изучение и собирание национальных обычаев представителями Русского географического общества, которые занимались изучением быта, системы управления и культуры народов, населяющих Российское государство» [7, с. 7]. При Отделении этнографии ИРГО в 1876 г. была создана Комиссия о народных юридических обычаях. В сжатом виде ею были представлены программные установки, направленные на изучение народных юридических обычаев. Одной из существеннейших задач называлось согласование начал российского кодекса с условиями и потребностями народного юридического быта, успешное разрешение которой вызовет «столь желательное развитие чувства законности во всех слоях общества». Намечалось издать сборник народных юридических обычаев, который должен был познакомить с разными сторонами народного юридического быта и послужить основой и ценным материалом для многих законодательных работ. Программу заключало чрезвычайно актуальное и сегодня положение о том, что «только путем серьезного изучения народного юридического быта может быть достигнуто усовершенствование его, существующие юридические обычаи не могут быть уничтожены одним росчерком пера, т. к. они связаны с жизненными потребностями и бытовыми условиями жизни народа, вследствие чего ломка их на основании одних отвлеченных умозаключений без знания фактической стороны дела будет не только бесцельной, но и крайне вредной» [3, с. 52].

Современная наука также призывает «учитывать определенную «экономность» обычного права, когда нормы и традиции собственного народа, связанные с памятью предков, являются действенными регуляторами, подчинение которым вполне добровольное – в отличие от позитивного права, подчинение которому обеспечивается многочисленным и затратным государственным аппаратом, с зачастую сомнительной эффективностью» [12].

В 80-х гг. XIX в. продолжала оставаться одной из самых актуальных. В 1885 г. Восточно-Сибирский отдел ИРГО (далее – ВСОИРГО) среди наиболее важных задач сибиреведения называл «систематическое изучение сибирской крестьянской и инородческой общины, а также сибирского и инородческого обычного права» [2, с. 12]. Основным способом выполнения этой задачи назывался сбор материалов по программам Комиссии о юридических обычаях. Комиссия подчеркивала значение

судов, как самого достоверного и живого источника, т. к. в их исторической части, где излагались жалобы и прения сторон, несомненно, отражались чисто народные правовые убеждения, независимо от тех нередко произвольных соображений и выводов, какие встречаются в резолютивной части решений.

Особое внимание считаем нужным обратить на бесценные сохранившиеся в исследованиях ИРГО артефакты юридического быта коренных малочисленных народов Севера, которые в силу уникальности жизнедеятельности и сейчас более всего сохраняют устои обычного права, когда формы организации жизни и правила устанавливаются и соблюдаются как естественная и рациональная необходимость. Обращение к историческому опыту регулирования общественных отношений на основе норм обычного права коренных малочисленных народов Севера вполне может иметь практическое значение.

Необходимо отметить, что описательный характер большинства работ и отсутствие комплексного подхода к исследованию нисколько не умаляют значение трудов дореволюционных авторов, которые «включали в свои работы как частные случаи, так и существующую общепринятую практику, не выделяя общие тенденции и характеристики действия обычного права. Эти труды содержат богатый эмпирический материал по отдельным регионам страны, в том числе и Северо-Востока Азии» [7, с. 8].

Основная часть

Юридический быт эвенкийского народа был предметом наблюдения и изучения ряда деятелей ИРГО. Так, один из участников Аянской экспедиции 1894 г. Я. В. Стефанович описал систему землепользования у эвенков. По его мнению, раскладка податей и повинностей у эвенков происходила так же, как у якутов, не по душам, а по принципу землепользования. Основанием для процесса раздела земли по классам служило количество скота. Я. В. Стефанович указывал на то, что здесь уже играла роль сила богатства, на которой основывалась часто нарушающая справедливость власть тойона в своем наслеге, хотя у эвенков и не существовало такой резкой неравномерности в землепользовании, какая наблюдалась в якутском обществе [10, с. 22]. В качестве подтверждения своего довода Я. В. Стефанович привел примеры уравнительных переделов земли.

Правовые обычаи эвенков рассмотрел И. И. Майнов в обширной статье «Некоторые данные о тунгусах Якутского края» [6], получившей большое признание в современной науке. Работа была написана по

материалам Якутской (Сибиряковской) историко-этнографической экспедиции 1894–1896 гг. и издана в 1898 г. в «Трудах Якутской экспедиции». И. И. Майнов хотел, в частности, «присмотреться своими глазами к условиям, охраняющим в целом племени первобытную свежесть и ясность души» [6, с. III], стремление к справедливости и взаимопомощи. Так, интерес представляют наблюдения за организацией звероловства у эвенков. Места для ловли соболя (самого ценного зверя), лощины рек распределялись между родовичами, но не становились собственностью владельца речки. Собственником территории считался род, и в отдельных случаях допускались обмен или подравнивание ловок в пользу сородича, если прежнее место ловли совершенно оскудело зверем; но чаще всего одно и то же место оставалось у владельца из года в год и даже передавалось по наследству. Сами эвенки неоднозначно относились к возможности урезок и прибавок мест для ловли соболя, считая, что здесь возможно было злоупотребление правом, если, например, об этом заявит богатый родович. Соболю, убитый кем-либо на участке другого человека, доставался владельцу участка, т. к. главную трудность составляло именно напряженное выслеживание, поджидание зверя, установление стрел на соболя, а сам акт выстрела много труда не требовал и зачастую был случаен. По мнению И. И. Майнова, это вполне разумная норма. На страницах труда И. И. Майнов неоднократно упоминает об эвенкийском обычае широкого гостеприимства и бескорыстной помощи путникам, миссионерам и нуждающимся сородичам. Так, он приводит в пример свидетельство встреченной им в пути хозяйки, что сородичи-эвенки помогли им выбраться из нищеты после падежа всех оленей: «кто белку дал на поправку, кто лисицу, по своим средствам всякий давал..., и собрали нам на покупку трех коров; с коровами мы хоть детей прокормим» [6, с. 193]. Через три года хозяйство поправилось и имело уже 20 оленей.

В ходе своего путешествия И. И. Майнов наблюдал, по его выражению, «оригинальную сцену венчания под открытым небом», к которой брачующиеся относились совершенно равнодушно. Венчание у эвенков зачастую происходило уже в процессе фактического сожительства жениха и невесты (правильного брака, с точки зрения эвенков. Причем возраст брачующихся мог быть меньше, чем по церковному обряду). Это объяснялось тем, что человек сватал невесту, когда собирался с силами внести за нее калым, а венчался, когда доведется. Обычно за эвенкийскую невесту калым вносился оленями, в зависимости от достатка. Калым был по размерам вдвое больше приданого. Так, за одну

невесту дали 17 оленей и еще двух закололи на угощение, приданое же составило всего 8 оленей. Часто бывало, пишет И. И. Майнов, что мужчина прогонял жену, даже находясь в правильном браке, но, не пожелав венчаться и без возврата калыма, например, если по болезни она не могла работать. Это, очевидно, говорит о том, что брак оставался в глазах эвенков чисто гражданской сделкой, а венчание – лишь формальностью, требуемой русскими властями [6, с. 202]. Тем не менее под влиянием канонического семейного права в сознании людей уже укрепилось взаимное добровольное согласие как необходимое условие заключения брака.

По материалам Нелькано-Аянской экспедиции 1903 г. Э. К. Пекарским и В. П. Цветковым были рассмотрены, в том числе, семейно-правовые обычаи приаянских эвенков. Сначала статья «Приаянские тунгусы» была помещена в журнале ИРГО «Живая старина» за 1911 г., затем в более обработанном виде вышла в Сборнике Музея по антропологии и этнографии при ИАН [8]. На основе статистических данных авторами был сделан вывод, что большой процент холостых эвенков и крайне малый состав семьи (3,71 чел.) объясняется экономической необеспеченностью, невозможностью, создав семью, вести самостоятельное хозяйство. Описаны традиционный семейный уклад эвенков, занимающихся оленеводством, свадебные обычаи, приданое, главную часть которого составляли олени, несложная свадебная церемония, имущественные правовые обычаи, патриархальный характер семьи, власть главы рода, обычай передачи детей на воспитание и т. д. В целом, брак заключался по согласию брачующихся, хотя давление на них со стороны, например, родителей, было сильным. Но, тем не менее, если кто-то из брачующихся категорически отказывался вступать в брак, родители уступали, или священник отказывался заключать брак. Сохранялся старинный обычай (без строгого соблюдения) придерживаться трехлетнего срока для вступления в повторный брак после смерти одного из супругов. Материалы подтверждают наблюдения И. И. Майнова, что калым за невесту был в два-полтора раза больше размеров приданого (например, 30 против 15, 10 оленей против 7). В редких случаях калым мог быть деньгами, в виде заработной платы работникам или пожизненного содержания старика-отца невесты. Приданое состояло также из вещей домашней обстановки, которые являлись пожизненной собственностью жены, а после ее смерти в случае церковного брака оставались у мужа, гражданского (то есть без венчания) – переходили к детям. За вдову калым не платился. Таким образом, женитьба походила на куплю женихом невесты. Семья носила патриархальный характер, где власть главы над женой, детьми,

младшими родственниками была весьма сильна. Так, например, старший брат мог отдать несовершеннолетнего члена семьи в работники и получать за него заработок. Если родители были трудоспособны, дети не имели никаких имущественных прав. При разделе отец мог выделить любую часть, чаще всего пропорционально членам количеству членов семьи. На выделенное имущество отец прав уже не имел. Права нетрудоспособных родителей тщательно регламентировались. Состарившийся отец переходил на иждивение трудоспособных сыновей, и ему принадлежали только личные мелкие вещи. Власть в семье и управление всем имуществом переходили к старшему сыну. Иногда и после выдела доли взрослые дети оставались жить вместе с родителями. Некоторым образом регулировались также наследственные правоотношения. После смерти отца при наличии малолетних детей имущество переходило к его жене; при взрослых детях или в случаях круглого сиротства – по завещанию. Если же завещания не было, то малолетние сироты зачастую оставались без наследства, его забирали старшие родственники. Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, или нетрудоспособных вдов состояло в переходе их под иждивение родственников по восходящей линии со стороны отца (мужа), а в случае их отсутствия – на содержание отцовских (мужа) сородичей. Это правило соблюдалось очень строго. Отнесение к какому-либо роду внебрачного ребенка зачастую сопровождалось многолетними спорами, особенно если это был мальчик.

В случае, если вдова выходила замуж, имущественные права детей от первого брака сохранялись, отчим был лишь опекуном. Кроме обязанности принимать к себе воспитанников-сирот, у эвенков также был распространен обычай отдавать детей – девочек – при живых родителях на воспитание в другую семью. Причины этого были разные: помощь бедной семье родственников (в этом случае передача была бесплатной), но чаще всего – желание дать возможность девочке из бедной семьи получить приданое от воспитателей (более зажиточных сородичей) и выйти замуж. В последнем случае новая семья приобретала рабочую силу и поэтому, когда девочка подрастала и начинала помогать воспитателям, родители получали плату и подарки. Если воспитатель умирал, то воспитанницу (даже и взрослую, если она не вышла замуж) должны были содержать сородичи со стороны воспитателя. Но после смерти своих родителей она имела право на свою часть наследства, если воспитатели умерли. От воспитателей воспитанница также могла получить часть наследства. При жизни матери она не имела права на часть наследства отца, при жизни воспитательницы – в наследстве воспитате-

ля и отца. Иногда девочку отдавали на воспитание только до возраста, пока она не сможет работать по хозяйству. В этом случае уже родители платили воспитателям. Несмотря на то, что отношения в семьях эвенков были далеки от сентиментальности, объективно обязанность заботиться о нетрудоспособных, сиротах, престарелых родственниках соблюдалась неукоснительно – «неизвестно еще случая, чтобы тунгус погиб бы из-за того, что не нашел своевременной поддержки у родственников и сородичей» [8, с. 111]. Необходимость сохранить жизнь каждому члену сообщества, взаимовыручка лежали и в основе широко распространенного тогда неперменного обычая «нымат» (дарение), когда об удачной охоте оповещались все соседи, и они имели право пойти на место промысла и унести столько мяса, сколько смогут [8, с. 62].

Участник Хатангской экспедиции 1905 г. В. Н. Васильев, наблюдая жизнь эвенков Туруханского края, констатировал, что их внутренний строй основан на началах самоуправления и общего пользования пастбищами, рыбными и охотничьими угодьями. Выступив 30 марта 1907 г. на заседании Отделения этнографии ИРГО с сообщением «Быт инородцев Туруханского края», В. Н. Васильев также довольно подробно рассказал о брачных обычаях и семейных отношениях; привел примеры из области обычного права [1, с. 33].

Исследователи второй половины XIX в. отмечали, что «в сущности весь крайний Северо-Восток не знает над собой никакой власти и управляется сам собой. Каждый родоначальник есть полноправный властелин над своим родом; более богатый, родовитый, а, следовательно, и сильный имеет большое влияние на других» [9, с.175]. От ИРГО весной 1885 г. А. А. Ресин принял участие в торговой экспедиции на побережье Камчатки. О результатах поездки А. А. Ресин написал «Очерк инородцев русского побережья Тихого океана» [9], содержащий интересные сведения о жизни, занятиях, быте русских, алеутов, камчадалов, коряков, ламутов (эвенов) Петропавловского и Гижигинского округов Камчатки. А. А. Ресин, в частности, показал, что фактическая власть в крае принадлежит старостам, на которых лежит наблюдение за правильным исполнением повинностей и разбор мелких проступков и преступлений. Но, по мнению А. А. Ресина, миролюбивый характер населения и отсутствие водки сохраняет патриархальную чистоту нравов, преступления весьма редки, а небольшие конфликты разрешаются мировой, через посредничество старосты или мирской сходкой, без всякой официальности [9, с. 136]. А. А. Ресин также отметил оригинальный тип семейных отношений. Например, брачные отношения чукчей

характеризовались как полигамные, причем в основе этого лежала необходимость иметь больше рабочей силы. Нередко женщина имела большее значение в роду, чем мужчина, и достаточно свободно могла распоряжаться собой и в браке. У чукчей, по наблюдениям А. А. Ресина, существовало и наследственное право, когда после смерти отца все олени делились между сыновьями [9, с. 173–174].

В «Известиях ИРГО» за 1894 г. была помещена информация известного полярного исследователя барона Э. В. Толля об экспедиции Императорской Академии наук на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана [11]. Помимо прямых результатов, доклад Э. В. Толля касается малоизученного тогда аспекта о неразрывной взаимосвязи человека и природы в специфических условиях Севера. Э. В. Толль с признательностью отмечал гостеприимство и безукоризненно хорошее отношение к путешественникам со стороны коренных жителей побережья Ледовитого океана. Все северные экспедиции, писал Э. В. Толль, могут быть только благодарны «за представившийся случай учиться у природы и у добрых людей» [11, с. 450]. Закономерно наблюдение Э. В. Толля, что особые экологические условия, тесная неразрывная связь с природой сохраняют в человеке понятие о том, что он поставлен в зависимость от дружеских отношений с сородичами, и поэтому «инородцы» Крайнего Севера сохранили высокую нравственность, и в их нравственном своде законов нет и упоминания о возможности убийства [11, с. 450].

Выдающиеся ученые-этнологи В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон опубликовали ряд не потерявших своей научной ценности трудов по этнографии народов Северо-Востока Азии. Так, они дали наиболее полное, обоснованное заключение об общественной организации палеоазиатских народов – чукчей, юкагиров, коряков. В 1900–1902 гг. они приняли участие в Северо-Тихоокеанской (Джезуповской) экспедиции, задачей которой было сравнительное исследование народов, населяющих американские и азиатские берега северной части Тихого океана. Выводы исследователей, в частности, были опубликованы под названием «Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана» [5]. Основополагающее значение имел вывод о том, что оленеводство является высшей и более поздней ступенью развития, чем охота и рыболовство. В свое время А. А. Ресин также отмечал, что быт «сидячих» народов коренных образом отличается от быта «кочевых», главный фактор – наличие оленя [9, с. 156]. В. И. Иохельсон исправлял бытующее тогда представление об обратном ходе историко-культурного развития,

заключающееся в том, что якобы коряки, чукчи и юкагиры осели после потери своих оленей.

В. И. Иохельсон нашел «замечательное разнообразие» в социальных типах племен Северо-Тихоокеанского круга. Существовали племена (коряки, камчадалы), у которых единственной организацией была семья. К племенам со слабой родовой организацией он относил чукчей и юкагиров. У чукчей зачатки кланов обнаружил В. Г. Богораз, а что касается юкагиров, то здесь В. И. Иохельсон основывался на преданиях о существовании исчезнувших полярных родов – родов «омок» [5, с. 90].

Соответственно, существовали и различные типы семейных отношений. У коряков наблюдалась полигамия, но обязательными считалась невинность девушек и верность жены. В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз отмечали наличие у чукчей полиандрии и своеобразной формы группового брака, названного В. Г. Богоразом «переменным». Этот обычай стал прививаться и у других народов. Как отмечал В. И. Иохельсон на заседании Отделения этнографии ИРГО 29 октября 1899 г. в сообщении «Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой» в целом у чукчей, юкагиров, эвенков и других народов было весьма терпимое отношение к обычаям и обрядам друг друга, ибо зачастую жены чукчей западной тундры происходили из эвенков, эвенкиек и юкагинок, и наоборот [4, с. 833].

Интереснейшее описание семейных отношений у юкагиров дал В. И. Иохельсон. Он описал обычаи сватовства, систему родства, похожую на систему родства у американских индейцев, сохранение и господство свободных отношений до и после брака. Иохельсон отмечал, что у юкагиров-оленоводоов отсутствует обычай, характерный для рыболовов и охотников, когда зять поселяется в доме тестя. Здесь, напротив, невеста покупается и входит в дом жениха. Калым стал обязательным элементом, но сохранился и пережиток отслуживания (крайний срок – 7 лет) у родителей невесты. Иохельсон приводит описание юкагирской свадьбы, основанной на единстве крови группы лиц (девушку выдают замуж не родители, а группа лиц, связанных единством крови), причем он не считает калым как у якутов, мировой или вирой [4, с. 832].

Заключение

Исследования Императорского Русского географического общества и его отделов по изучению общественного устройства и быта народов Северо-Востока Азии позволили создать целостную картину этнической культуры народов; были изучены важнейшие вопросы обычного права, семейно-брачных отношений. Многообразный фактический

материал позволил сделать правильные выводы о взаимодействии обычного права и элементов русского государственного устройства; о необходимости сохранения элементов обычного права для повседневной жизни населения, ибо они олицетворяют собой мировоззрение народов, их мироощущение.

Литература

1. Журнал заседания Отделения Этнографии ИРГО 30 марта 1907 г. // Известия ИРГО. – 1907. – Т.43. – Действия Общества.
2. Известия ВСОИРГО. – 1885. – Т.1. – № 4–5.
3. Известия ИРГО. – 1876. – Т.12. – Вып. 2.
4. Иохельсон, В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой / В. И. Иохельсон // Известия ИРГО. – 1899. – Т. 35. – С. 829–833.
5. Иохельсон, В. И. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана / В. И. Иохельсон // Известия ИРГО. – 1907. – Т.43. – С. 63–93.
6. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края / И. И. Майнов // Труды Якутской экспедиции. – Иркутск : Типография П. И. Макушина, 1898. – 214 с.
7. Наумкина, В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв. ; специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (на правах рукописи) / Наумкина Валентина Владимировна ; Московский университет МВД России. – Москва, 2010. – 42 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/obychnoe-pravo-kochevykh-narodov-vostochnoi-sibiri-v-pravovoi-sisteme-rossiiskogo-gosudarstv/read> (дата обращения: 25.07.22).
8. Пекарский, Э. К. Очерки быта приайнских тунгусов / Э. К. Пекарский, В. П. Цветков // Сборник МАЭ при ИАН. – Т.2. – 127 с.
9. Ресин, А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / А. А. Ресин // Известия ИРГО. – 1888. – Т.24. – Вып.3. – С. 120–199.
10. Стефанович, Я. В. От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения / Я. В. Стефанович // Записки ВСОИРГО по общей географии. – 1896. – Т.1. – Вып. 3.
11. Толль, Э. В. Экспедиция ИАН 1893 г. на Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана / Э. В. Толль // Известия ИРГО. – 1894. – Т. 30. – Вып. 4. – С. 435–451.

12. Филант, К. Г. Обычное право у коренных малочисленных народов Севера / К. Г. Филант. – URL: <https://goarctic.ru/society/obychnoe-pravo-u-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/> (дата обращения: 25.07.22).

References

1. Journal of the meeting of the Department of Ethnography of the IRGO on March 30, 1907 // News of the IRGO. – 1907. – T.43. – Actions of the Society.
2. Izvestiya VSOIRGO. – 1885. – T.1. – No. 4–5.
3. News of the IRGO. – 1876. – T.12. – Issue. 2.
4. Yokhelson, V. I. Wandering genera of the tundra between the rivers Indigirka and Kolyma / V. I. Yokhelson // Izvestiya IRGO. – 1899. – T. 35. – P. 829–833.
5. Yokhelson, V. I. Ethnological problems on the northern shores of the Pacific Ocean / V. I. Yokhelson // Izvestiya IRGO. – 1907. – T.43. – P. 63–93.
6. Mainov, I. I. Some data on the Tungus of the Yakutsk Territory / I. I. Mainov // Proceedings of the Yakut expedition. – Irkutsk : Printing house of P. I. Makushin, 1898. – 214 p.
7. Naumkina, V. V. Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state in the 19th – early 20th centuries ; specialty 12.00.01 «Theory and history of law and the state, the history of doctrines about law and the state» : abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences (as a manuscript) / Naumkina Valentina Vladimirovna ; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Moscow, 2010. – 42 p. – URL: <https://www.dissercat.com/content/obychnoe-pravo-kochevykh-narodov-vostochnoi-sibiri-v-pravovoi-sisteme-rossiiskogo-gosudarstv/read> (date of access: 07/25/22).
8. Pekarsky, E. K. Essays on the life of the Ayan Tungus / E. K. Pekarsky, V. P. Tsvetkov // Collection of the MAE at the IAN. – T.2. – 127 p.
9. Resin, A. A. Essay on foreigners of the Russian coast of the Pacific Ocean / A. A. Resin // Izvestiya IRGO. – 1888. – T.24. – Issue 3. – P. 120–199.
10. Stefanovich, Ya. V. From Yakutsk to Ayan. Travel observations / Ya. V. Stefanovich // Notes of the VSOIRGO on general geography. – 1896. – T.1. – Issue. 3.
11. Toll, E. V. Expedition of the IAN in 1893 to the New Siberian Islands and the coast of the Arctic Ocean / E. V. Toll // Izvestiya IRGO. – 1894. – T. 30. – Issue. 4. – P. 435–451.
12. Philant, K. G. Customary law among the indigenous peoples of the North / K. G. Philant. – URL: <https://goarctic.ru/society/obychnoe-pravo-u-korennykh-malochislennykh-narodov-severa/> (date of access: 07/25/22).

Сведения об авторе

ОГЛЕЗНЕВА Татьяна Николаевна – к. ист. н., доцент, зав. каф. гражданского права и процесса, СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: tati.oglezneva@mail.ru

OGLEZNEVA, Tatyana Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Civil Law and Process, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University